

УДК 811.512.144

DOI: 10.21779/2542-0313-2023-38-2-92-98

Н.Э. Гаджиахмедов, М.А. Айбатырова

Лексическая объективация концепта «возраст человека» в кумыкской языковой картине мира

¹ Дагестанский государственный университет; Россия, Республика Дагестан, 367000, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а; nur1@yandex.ru

² Дагестанский государственный аграрный университет; Россия, 367032, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 180; aybatyrova67@mail.ru

В статье объективируется понятие «возраст человека» лексическими средствами языка в кумыкской языковой картине мира. В результате исследования определена структура лексико-семантического поля «возраст человека», выделены и описаны лексические составляющие данного функционально-семантического поля. Наиболее распространенным средством лексического выражения понятия «возраст» являются лексические единицы разных структурных типов, определяющие человека по возрасту, его социальному положению или выполнению им обязанностей в обществе. Среди лексем, репрезентирующих возраст человека, встречаются гендерно-маркированные и гендерно-нейтральные наименования.

Несмотря на то, что основу данного лексико-семантического поля составляют разные части речи (существительные, прилагательные, причастия), семантическое поле следует считать номинативным, так как оно наиболее широко представлено субстантивами. Объективация лексико-семантического поля «возраст человека» в кумыкской языковой картине мира позволяет судить о некоторых чертах национального менталитета и мировосприятия кумыков.

Ключевые слова: семантика, концепт, возраст человека, языковая картина мира, кумыкский язык.

Постановка проблемы

Тема нашего исследования полностью соответствует актуальному в настоящее время лингвоантропологическому направлению языкоznания, изучающему фиксацию культуры в языковых единицах, что непосредственно связано с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса [13, с. 67; 1, с. 105]. Актуальность подобных исследований обусловлена необходимостью более полного системного описания лексического состава языка, целостного анализа структуры и содержания конкретных семантических полей при помощи полевого метода.

Специальных исследований, посвященных лексико-семантическому анализу понятия «возраст человека», в кумыкском языкоznании нет. Объективации понятия «возраст человека» в кумыкской языковой картине мира лексическими средствами языка посвящена статья А.С. Исаевой и А.А. Абдуллаевой [11]. Некоторые сведения по данной проблеме содержатся в работах Г.К. Темирхановой [15]. Заслуживает внимания ряд исследований, проведенных на материалах других тюркских языков: крымскотатарского [12], башкирского [14], древнетюркского [4], якутского [2; 9]. Имеется достаточно много работ, выполненных в лингвокультурологическом аспекте и основанных на материалах славянских и западноевропейских языков, наиболее изученными из которых

являются русский, немецкий, английский и французский. На наш взгляд, является актуальным и своевременным исследование лексических единиц, вербально воплощающих концепт «возраст человека» в кумыкской языковой картине мира.

Цель данного исследования – выявление национально-культурного наполнения концепта «возраст человека» лексическими средствами в кумыкской языковой картине мира.

Задачи исследования – определить структуру лексико-семантического поля «возраст человека»; выделить и описать лексико-семантические группы слов, входящие в функционально-семантическое поле «возраст человека».

Научная новизна заключается в установлении полного объема лексико-семантического пространства «возраст человека» в современном кумыкском языке.

Методы исследования – метод сплошной выборки языкового материала, метод словарной идентификации для описания исследуемых единиц и метод классификации.

Материалом для исследования послужили выборки лексических единиц из лексикографических источников кумыкского языка [3; 6; 7; 8], вербализующих значение «возраст человека».

Результаты исследования

Ядром лексико-семантического поля «возраст человека» в кумыкском языке являются лексемы *чакъ* «время, пора; возраст» и *яши* «возраст, год, лета», которые согласно современным лексикографическим источникам являются полисемантами.

Словари кумыкского языка определяют два значения лексемы *чакъ*: 1) время, пора; *эртен чакъ* «утро»; 2) возраст; *яши чакъ* «молодость». На наш взгляд, данное слово имеет в кумыкском языке еще два значения: 1) момент; определенный период: *Дагъыстанда имам Шамил бар чакъда* (Атав Атаев). «В Дагестане во времена правления Шамиля»; 2) временами (разг.): *Озокъда, чакъда бизге тюше талма, къавишалма* (Атав Атаев). «Конечно, временами нам приходится уставать, утомляться».

Полисемант *яши* выражает следующие значения: 1) ребёнок, дитя, ребячий, детский; 2) молодой, юный; в молодом возрасте; *яши адам* «молодой человек»; 3) возраст, год, лета; *яши чагъында* «в молодом возрасте».

По-разному представлены сочетаемостные возможности лексем *чакъ* и *яши* с числительными, уточняющими возраст человека, в кумыкском языке. Числительные, определяющие конкретный возраст человека, сочетаясь с лексемой *яши*, всегда употребляются в препозиции: *алтмыши яшинда* «в шестьдесят лет», *элли яшинда* «в пятьдесят лет». С лексемой *чакъ* числительные употребляются только в постпозиции и служат для выражения приблизительного возраста: *чагъы алтмышъа абат басгъан* (досл. за шестьдесят шагнул) «ему пошел шестьдесятый год»; *чагъы алтмышдан ойтген* «его возраст старше шестидесяти».

В сочетании с детерминантами *уллу* «большой» и *гиччи* «маленький» лексемы *чакъ* и *яши* служат для уточнения календарного возраста. При этом обе лексемы обязательно используются в форме принадлежности: *Оланы атапарыны чагъы уллу буса да, финлер буланғы давғы гөнгөллю күйде гетген* (Абзайдин Гамидов). «Несмотря на то, что они пожилого возраста, на войну с финнами они отправились добровольно». *Чагъы гиччи яшлар булан билим алыпун узатғын* (Хайбулла Алиев). «Он продолжил свою учебу с учениками моложе него». Количественный анализ использования данных темпоральных синтагматических единиц показывает, что *чагъы уллу* «старший по возрасту» в произведениях кумыкских авторов используется значительно чаще, чем *чагъы гиччи* «младший по возрасту».

Различаются эти синтагматические единицы тем, что только в темпоральном сочетании *яши уллу* определительный компонент может принимать показатель принадлежности, выражая значение «старший по возрасту»: *Яши уллусун шонда олар сограгъан* (фолькл.). «Там они спросили, кто старше по возрасту».

Лексико-семантическое поле биологического возраста в кумыкском языке структурируется четырьмя подгруппами слов и сочетаний, связанных с обозначением возраста. Рассматриваемое функционально-семантическое поле имеет разветвленную иерархическую структуру. Семантическую основу каждой подгруппы составляет архисема.

Архисема *сабий заман* «детство» образует лексико-семантическую подгруппу, номинирующую лиц младенческого возраста.

Идентификаторами исследуемого семантического признака в дефинициях лексических единиц являются:

а) непроизводные лексемы, которые с точки зрения современного кумыкского языка не имеют словообразовательных связей (не находятся в структурно-семантических отношениях) с другими словами: *сабий* «ребенок, дитя», *бебей* «младенец», *торай* «дитя», *бала* «дитя, ребёнок, малыш», *нарыста* «ребенок», *яши* «ребенок, дитя»;

б) производные лексемы: *сабийлик* (*сабий* «ребенок, дитя» + афф. -лик) «детство, младенчество», *яшлыкъ* (*яши* «ребенок» + афф. -лыкъ) «детство»;

в) композитные лексемы: *балажсан* «младенец, дитя», *бала-чагъа* «чадо». Лексема *балажсан* имеет сложную структуру (*бала* «дитя» + *жсан* «душа»), а композитное слово *бала-чагъа* «чадо» состоит из слов *бала* «ребенок, дитя» и *чагъа* «детёныш». Данная лексема в разных фонетических вариантах встречается в ряде тюркских языков, например, в ногайском, казахском, каракалпакском – *бала-шага* «детвора», татарском, киргизском – *бала-чага* «детвора, дети». В крымскотатарском сложное слово *bala-çağa* имеет значение «детвора, дети», а производное *бала чагъалыкъ* – «детская пора» [12, с. 18]. В азербайджанском языке *çaga* означает «новорождённый, новорождённая; младенец, маленький ребёнок» и выполняет функцию определения: *çaga vaxtindan* «с младенческих лет, с младенческого возраста, с пелёнок». В казахском языке слово *шага* имеет значение «девочка»;

г) составные номинации со значением «детство, детский возраст»: *сабий заман*, *сабий чакъ*, *бала чакъ*.

Архаизм *сабий* «ребенок, дитя» в сочетании со словом *чакъ* «время» образует составную номинативную единицу *сабий чакъ* «младенчество; детство»: *Сабий чагъында ол медреседе арапча охугъан* (Магомедсолтан Ягияев). «С детства он учил арабский язык в медресе».

Для характеристики детского возраста во многих тюркских языках используется зооморфная лексика [2, с. 35]. В кумыкском языке «при ласковом обращении к подростку используется лексема *танам* “бычок (мой)”» [15, с. 45–48]: *Гъарангъя юхлатъянман, Талгъыр танам уянар!* (Магомед Атабаев). «Еле-еле усыпал, вдруг проснется мой полосатый бычок». Таким способом в кумыкской лингвокультуре с образом бычка ассоциируется период отрочества.

В кумыкском языке, как и в некоторых других тюркских языках, «молодость и неопытность выражается через образ лица с соплей в носу или через ассоциативный образ человека, у которого сопли в носу еще не высохли» [2, с. 36]: *бурнупокъ* «сопляк», *покъбуурун* «сопляк, сопливый».

Вокруг архисемы *яши заман* «молодость» объединены слова, номинирующие лиц

молодого возраста. Производным от слова *яш* является лексема *яшлыкъ* со значением «молодость».

Данная лексико-семантическая подгруппа также неоднородна. Идентификаторами архисемы *яш* «мальчик/девочка» в дефинициях лексических единиц являются:

а) непроизводные лексемы: *яш* «мальчик/девочка», *оърюм* «подросток; подростковое время», *жагыл* «молодой», *генже* «молодой, последыш»;

б) производные лексемы, образованные аффиксальным способом: *жагыллик* (*жагыл* «молодой» + афф. -лик) «молодость», *яшлыкъ* (*яш* «мальчик/девочка» + афф. -лыкъ) «детство»;

в) два производных композитных слова: *яшёрюм*: (*яш* «мальчик/девочка» + *оърюм* «подросток»), *уланъяши* (улан «парень» + *яш* «мальчик»);

г) составные наименования: *яш чакъ* (*яш* «молодой» + *чакъ* «возраст») «молодость», *яш вакъти* (букв. молодое время) «молодость», *яш заман* (букв. молодое время) «молодость», *яш улан* «молодой парень», *яш къыз* «молодая девушка», *яш адам* «молодой человек», *яш гииши* «молодой мужчина», *яш къатын* «молодая женщина».

Лексемы *яш* и *чакъ* образуют составную номинативную единицу *яш чакъ* со значением «молодость»: *Таныйман яш чагыындан* (Магомедшапи Минатуллаев). «Я знаю его с детства».

В рассматриваемой лексико-семантической подгруппе, помимо общих наименований данного возрастного периода, представлены возрастные номинации лиц мужского и женского пола, поэтому здесь можно выделить гендерно-маркированные и гендерно-нейтральные наименования. Так, номинации молодого возраста *яш* «мальчик/девочка», *оърюм* «подросток», *жагыл* «молодой/молодая», *яшёрюм* «подросток», *яш адам* «молодой человек» являются гендерно-нейтральными, а составные наименования *яш улан* «молодой парень», *яш къыз* «молодая девушка», *яш къатын* «молодая женщина», *яш гииши* «молодой мужчина» – гендерно-маркированными. Отличительной особенностью составных наименований *яш къыз* «молодая девушка» и *яш къатын* «молодая женщина» является то, что молодость женщины определялась не количеством лет, а невинностью и продолжительностью возрастного периода.

Значение «детский возраст» репрезентируют не только субстантивы, но и причастия в форме прошедшего перфективного времени *бишмеген* «незрелый, неопытный, зеленый» и *къатмагъан* (досл. незатвердевший) «неопытный, зеленый» и т. д. Они используются только в отрицательной форме. *Курортдагъылар ит сангъа гирмеген, къатмагъан* (Ибрагим Керимов). «Курортники молодые, несозревшие». *Къызъяшлар да заманы гелмесе, бишмей* (Сираждин Токболатов). «Девушки тоже, если время не наступило, не созревают».

Лексико-семантическая группа с архисемой *чагына етишген* «зрелый возраст», номинирующая лиц зрелого возраста, состоит:

а) из однословных лексем: *етишген* «повзрослевший/повзрослевшая»; *къатгъан* «возмужалый», *бишген* «созревший/созревшая»;

б) из двухсловных лексем: *ортा яшында*, *ортा оъмюрде*, *ортा чагыында* «среднего возраста, средних лет»; *чагыы етген*, *чагына етишген* «взрослый»; *санына гирген* «возмужалый/возмужала»;

в) из многословных единиц: *ортा яшындан озгъан* «старше среднего возраста», *гъакъыл-балыкъ болгъан* «достигший зрелого возраста». *Етишген уланъа оъгей ана ошамас* (пословица). «Взрослуому парню мачеха не подходит».

В этой лексико-семантической группе возрастных наименований обращают на себя внимание номинации, имплицитно определяющие человека по возрасту, по выполнению им обязанностей в обществе (*асгер чакъ* «армейский возраст», *школа чакъ*

«школьный возраст»).

К лексико-семантической подгруппе, номинирующей лиц преклонного возраста с архисемой *къартлыкъ* «старость», относятся:

а) однословные непроизводные лексемы: *къожакъ* «старик; старец», *хожса* «старец»; *тамаза* «почтенный старик»;

б) однословные производные единицы: *если* «взрослый, пожилой»; *яшагъан* «пожилой», *къавжагъан*, *къартайгъан*;

в) однословные композитные слова: *акъсакъал* «старейшина»;

г) двусложные слова: *къарт адам* / *къарт гии* «старый человек», *къавжагъан* *къарт* «одряхлевший старец», *заманына гелген* / *чагъына гелген* «пожилой», *уллу адам* «почтенный старик».

В кумыкском языке можно отметить тенденцию к эвфемизации наименований людей старшего возраста. Кумыки избегают прямой номинации старого человека, называя его в таком возрасте словом *если*, с которым связывают семемы «взрослый» и «сообразительный, понятливый».

Для обозначения физиологического процесса старения создано много эвфемизмов: *тамаза* «почтенный старик», *акъсакъал* (*акъ* «белый» + *сакъал* «борода») «белобородый, седобородый; старейшина», *заманына гелген* / *чагъына гелген* «пожилой», *уллу адам* (*уллу* «большой» + *адам* «человек») «почтенный человек».

В лексико-семантической группе *къартлыкъ* – старость обращает на себя внимание номинация, имплицитно выражающая возраст человека по его социальному статусу: *пенсия чакъда* «в пенсионном возрасте».

Имплицитное выражение возрастной характеристики человека представлено в следующих двух проклятиях:

1. *Алмас чагъынга къатынынг оълсюн!* Возрастной номинацией в данном проклятии является составное наименование *алмас чагъынга* (досл. *алмас* «он не возьмет» + *чагъынга* «в твоем возрасте»), которое необходимо понимать: «когда ты находишься в таком возрасте, и Всевышний даже не думает тебя забрать в иной мир + ситуативное проспективное будущее *къатынынг оълсюн* «чтобы твоя жена умерла».

2. *Бармас чагъында эринг оълсюн!* Номинация возраста *бармас чагъында* (досл. *бармас* «не пойдет» + *чагъында* «в (его) возрасте») в данной ситуации репрезентирует сему «когда он [муж] и не думает уйти в мир иной», а вторая пропозиция выражает проклятие – «чтоб твой муж умер».

Говорящий, рассказывая о ситуациях, свидетелем которых он был, или о заглавных ситуациях, может воспользоваться приемом относительной возрастной номинации, показывающим соотнесённость возраста незнакомого человека с возрастом знакомого ему человека: *Бир гезик бизге Бектемирни чагъындағы бир гии гелди* (Ибрагим Керимов). «Однажды к нам пришел мужчина в возрасте Бектемира».

Изменение характера обозначений людей по их возрасту согласуется с утверждением о том, что «развитие лексической системы национального языка неразрывно связано с процессом когнитивной деятельности человека, в результате которого появляются новые представления об окружающем мире и новые названия для этих представлений» [10, с. 64].

Заключение

Анализ лексической объективации понятия «возраст человека» в кумыкской языковой картине мира показал, что наиболее распространенным средством лексического выражения концепта «возраст» являются: а) лексические единицы разных структурных типов, характеризующие человека определенного возраста (*нарыста* «ребе-

нок», балажсан «младенец, дитя», эсли «взрослый, пожилой», бала-чагъа «чадо»; орта яшында «средних лет», алтынчы йылына гирген «ему шестой год пошел»); б) составные единицы, выраженные числительными, и являющиеся конкретным и более точным обозначением возраста человека (он беш яшында «в пятнадцать лет»); в) единицы, имплицитно выделяющие человека по возрасту, его социальному статусу или выполнению определенных обязанностей в обществе (асгер чакъ «армейский возраст»); г) единицы, эксплицирующие сам возрастной период, в котором находится человек, с уточнителями возрастных границ (сабий замандаш «с раннего детства»).

Лексическое наполнение концепта «возраст человека», представленное в статье, образует концептосферу: *сабий заман* «детство», *жасыл заман* «молодость», *етишген заман* «зрелый возраст» *къарт заман* «старость», которые в своей совокупности составляют динамический образ данного концепта.

Кроме семантико-хронологического вычленения микросистем со значением «человек определенного возраста», в концептосфере «возраст человека» по семантическому признаку можно выделить гендерно-маркированные и гендерно-нейтральные наименования.

Несмотря на то, что основу лексико-семантического поля «возраст человека» составляют разные части речи (существительные, прилагательные и причастия), данное семантическое поле следует считать номинативным, так как оно наиболее широко представлено субстантивами.

Объективация лексико-семантического поля «возраст человека» в кумыкской языковой картине мира позволяет судить о некоторых чертах национального менталитета и мировосприятия кумыков, присущих тюркской национальной культуре.

Литература

1. Айазова З.Г., Гасanova M.A. Лингвокультурологическая специфика обращений в лезгинском и китайском языках // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 36, вып. 2. – С. 105–111.
2. Анисимов Р.Н. Фразеологическая номинация возраста и опыта в якутском языке (в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2018. Т. 17, № 9. – С. 31–42.
3. Астемирова Ф.Б., Бамматов Б.Г., Гаджиахмедов Н.Э. и др. Русско-кумыкский словарь. – Махачкала: Дагестанский научный центр РАН, 1997. – 1754 с.
4. Базен Л. Концепция возраста у древних тюркских народов / пер. с фр. Д.Д. и Е.А. Васильевых // Зарубежная тюркология. Вып. I. – М.: Наука, 1986. – С. 361–379.
5. Бамматов Б.Г., Гаджиахмедов Н.Э. Кумыкско-русский словарь. – Махачкала: Дагестанский научный центр РАН, 2013. – 523 с.
6. Гаджиахмедов Н.Э. Школьный русско-кумыкский словарь. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1989. – 544 с.
7. Гаджиахмедов Н.Э. Русско-кумыкский словарь. – Махачкала: ДНЦ РАН, 1991. – 378 с.
8. Готовцева Л.М., Андреева А.В. Лингвокультурологический анализ ФЕ, обозначающих понятие «возраст человека» (на материале немецкого и якутского языков) // Материалы Международной научной конференции «Россия – Германия: историко-культурные контакты». – Якутск, 2006. – С. 258–270.
9. Гринёв-Гриневич С.В., Сорокина Э.А. Полисемия в общеупотребительной и в специальной лексике // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2015. № 4. – С. 51–64.
10. Исаева А.С., Абдуллаева А.А. Объективация понятия «возраст человека» в ку-

мыкской языковой картине мира // Проблемы гуманитарного образования в аспекте новых научных парадигм. Программа V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Махачкала, 24 декабря 2022 г.). – Махачкала, 2022. – С. 127–129.

11. Кефилева А.Р. Семантическое поле «возраст человека» в современном крымскотатарском языке // Филология: научные исследования. 2018. № 4. – С. 16–20.

12. Красных В.В. Культура, культурная память и лингвокультура: их основные функции и роль в культурной идентификации // Вестник Центра международного образования Московского гос. ун-та. Сер.: Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2012. № 3. – С. 67–74.

13. Нигаматова А.А. Когнитологическое осмысление семантического поля «йәш/возраст» в башкирском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 15, вып. 7. – Уфа, 2022. – С. 224–227.

14. Темирханова Г.К. Объективация характеристики человека во фразеологических единицах кумыкского языка: дис. к. филол. н. – Махачкала, 2021. – 177 с.

Поступила в редакцию 29 декабря 2022 г.

UDC 811.512.144

DOI: 10.21779/2542-0313-2023-38-2-92-98

Lexical Objectification of the Concept of AGE in the Kumyk Linguistic Worldview

N.E. Gadzhiakhmedov¹, M.A. Aibatyrova²

¹Dagestan State University; Russia, Republic of Dagestan, 367000, Makhachkala, M. Gadzhiev st., 43a; nur1@yandex.ru

²Dagestan State Agrarian University; Russia, Republic of Dagestan, 367032, Makhachkala, M. Gadzhiev st., 180;aybatyrova67@mail.ru

The article is devoted to the objectification of the concept of AGE by lexical means in the Kumyk language picture of the world. As a result of the study, the structure of the lexical-semantic field HUMAN AGE is determined, lexical components of this functional-semantic field are identified and described. The most common means of lexical expression of the concept of AGE are lexical units of different structural types that determine a person of a certain age, units that implicitly distinguish the age of a person by indicating his social position or fulfilling certain duties in society. Among the lexemes representing the age of the person, there are gender-marked and gender-neutral names. Despite the fact that the basis of this lexical-semantic field is made up of different parts of speech (nouns, adjectives, participles), this semantic field should be considered nominative, since it is most widely represented by substances. The objectification of the lexico-semantic field AGE of the Kumyk language picture of the world makes it possible to judge some features of the national mentality and worldview of the Kumyks.

Keywords: semantics, concept, human age, language picture of the world, Kumyk language.

Received 29 December 2022